

Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

42/1 | 2001
Varia

A. E. Presnjakov, peterburgskaja škola i marksizm

Boris KAGANOVIČ

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8434>

DOI : 10.4000/monderusse.8434

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 janvier 2001

Pagination : 31-48

ISBN : 2-7132-1388-6

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Boris KAGANOVIČ, « A. E. Presnjakov, peterburgskaja škola i marksizm », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 42/1 | 2001, mis en ligne le 01 janvier 2007, Consulté le 21 avril 2019. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/8434> ; DOI : 10.4000/monderusse.8434

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_421&ID_ARTICLE=CMR_421_0031

A. E. Presnjakov, peterburgskaja skola i marksizm

par Boris KAGANOVIC

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2001/1 - Vol 42

ISSN 1252-6576 | ISBN 2713213886 | pages 31 à 48

Pour citer cet article :

– KAGANOVIC B., A. E. Presnjakov, peterburgskaja skola i marksizm, *Cahiers du monde russe* 2001/1, Vol 42, p. 31-48.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

БОРИС С. КАГАНОВИЧ

А. Е. ПРЕСНЯКОВ,
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА И МАРКСИЗМ

Александр Евгеньевич Пресняков (1870-1929) — признанный классик русской исторической науки и один из корифеев так называемой петербургской исторической школы. Именно он наиболее остро и отчетливо формулировал ее принципы и тем самым более всех способствовал ее методологическому самосознанию. В речи перед защитой своей докторской диссертации *Образование Великорусского государства* А. Е. Пресняков говорил в 1918 г.: «Я определил бы ее [петербургской школы — Б. К.] характерную черту как научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции.»¹ В предисловии к самой диссертации Пресняков писал: «Ее задача — восстановить по возможности права источника и факта в представлении об одном из важнейших явлений русской истории — образовании Великорусского государства. Ранняя история Северо-Восточной Руси стала в нашей историографии жертвой теоретического подхода к материалу, который обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, не из них выведенной схемы.»² Во имя этого «исторического реализма» Пресняков подверг основательной критике многие построения Чичерина, Соловьева и Ключевского, утвердившиеся в русской историографии. Установки А. Е. Преснякова были развиты и концептуализированы в работе С. Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском

1. А. Е. Пресняков, Речь перед защитой диссертации под заглавием *Образование Великорусского государства*, Петроград, 1920, с. 6.

2. А. Е. Пресняков, *Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII-XIV столетий*, Петроград, 1918, с. V.

университете за 125 лет»³ и в известном смысле стали кредо петербургско-ленинградской школы историков, опыт которой они выражали.

Вместе с тем А. Е. Пресняков, выдвигавший эти «ультрапозитивистские» установки, был историком-мыслителем большого формата, труды которого дают глубокую и оригинальную трактовку русского исторического процесса. Тщательно взвешивавший слова С. Ф. Платонов писал в некрологе Преснякова: «Его учено-философские интересы были гораздо шире его специальности. Он обладал глубоким гуманитарным образованием, склонностью и способностью к философской мысли и к историческим обобщениям. В области исторической критики и методологии он был столь же осведомлен, как в фактическом материале.»⁴

В 20-30-е годы А. Е. Пресняков считался одним из немногих крупных русских историков старшего поколения, близко подошедших к марксизму. Об этом не раз публично заявлял глава тогдашнего советского марксизма в этой области М. Н. Покровский. В докладе 1928 г. «Новые течения в русской исторической литературе», в котором он расправлялся с Д. М. Петрушевским и Е. В. Тарле, Покровский говорил по поводу одной из работ Преснякова о декабристах: «Она принадлежит перу крупнейшего русского историка послеплатоновского поколения А. Е. Преснякову — и в ней определенно проводится классовая точка зрения.»⁵ Через год, в ноябре 1929 г., уже после смерти Преснякова Покровский замечал:

«Что касается А. Е. Преснякова, то это был чрезвычайно трогательный пример 60-летнего университетского профессора, который сделался марксистом на шестом десятке лет своего существования. [...] Пресняков, конечно, видел пролетарскую революцию из своего профессорского кабинета и от нашей революционной борьбы был слишком далек, поэтому сделаться настоящим марксистом он не мог. Но он шел к нам, подошел очень близко.»⁶

Разумеется, к заявлениям М. Н. Покровского следует относиться с большой осторожностью, поскольку он руководствовался определенными политическими и тактическими расчетами, и в данном случае, как мы увидим, тоже не обошлось без «лукавства». Но остается фактом, что в 20-е годы Пресняков печатался в таких журналах, как *Красный архив*, *Красная летопись*, *Борьба классов*, *Историк-марксист*.

3. С. Н. Валк, «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет», *Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция исторических наук*, Ленинград, 1948, сс. 3-79.

4. С. Ф. Платонов, «А. Е. Пресняков. Некролог», *Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук*, 2, 1930, с. 85.

5. М. Н. Покровский, *Историческая наука и борьба классов*, Москва, 1933. Вып. 2, с. 307.

6. Там же, с. 382.

Разобраться в этом сложном переплетении я и попытаюсь в настоящей статье. Должен при этом оговориться, что в ней я почти не касаюсь дореволюционного творчества А. Е. Преснякова и лишь в очень ограниченной степени касаюсь вообще его трудов по истории Киевской и Московской Руси. В центре нашего внимания — работы А. Е. Преснякова, посвященные так называемому петербургскому периоду русской истории и рассматриваемые преимущественно в плане общего понимания им русского исторического процесса⁷.

Как известно, А. Е. Пресняков был учеником С. Ф. Платонова, В. Г. Васильевского и отчасти А. С. Лаппо-Данилевского. Основным его университетским учителем и руководителем был С. Ф. Платонов, оказавший значительное влияние на формирование будущего ученого. Но Пресняков рано проявил и свою самостоятельность. Отношения его с Платоновым были далеко не идиллическими, хотя внешняя корректность всегда соблюдалась⁸. Пресняков был несомненно самым выдающимся из учеников Платонова. Но после окончания университета он в течение 15 лет преподавал в средних учебных заведениях и только в 1907 г. стал приват-доцентом Петербургского университета. Правда, Платонов провел Преснякова в профессора Женского Педагогического института, директором которого он был, однако своим преемником в университете он сделал С. В. Рождественского, гораздо менее крупного ученого, чем Пресняков, но лично и идеологически более близкого Платонову. Очевидно Пресняков был слишком ярок, самостоятелен и, кроме того, в отличие от лояльного монархиста Платонова, он был либералом кадетского толка, хотя и довольно умеренным в проявлении своих политических взглядов. Еще в студенческие годы он поддерживал отношения не только с группировавшимся вокруг С. Ф. Платонова «кружком русских историков», но и с либеральным кружком И. М. Гревса и А. С. Лаппо-Данилевского и с занимавшим промежуточное положение между ними кружком скандинависта Г. В. Форстена. Профессором Петроградского университета А. Е. Пресняков (как и А. С. Лаппо-Данилевский)

7. Уже после того, как настоящая работа была в основном написана, вышла в свет интересная статья: Т. Н. Жуковская, «А. Е. Пресняков и марксизм: Опыт исторической демифологизации», в кн.: *Россия в XIX-XX вв. Сборник статей к 70-летию Р. Ш. Ганелина*, С.-Петербург, 1998, сс. 28-40. С большинством положений этой статьи я согласен, но не считаю, что влияние марксизма на историческое мировоззрение Преснякова является мифом.

8. Богатейший материал о петербургских историках конца XIX-начала XX в. содержится в письмах А. Е. Преснякова к матери и жене, представляющих собой подлинную хронику жизни этой среды. Они хранятся в составе фонда А. Е. Преснякова в Петербургском филиале Института российской истории РАН и в настоящее время готовятся к печати. Впервые они были использованы в книге: А. С. Кан, *Историк Г. В. Форстен и наука его времени*, Москва, 1979.

стал только в 1918 г., когда С. Ф. Платонов уже не распоряжался единолично кафедрой русской истории.

Нет никаких оснований думать, что А. Е. Пресняков хоть сколько-нибудь сочувствовал большевистской революции, когда она произошла. Но, по-видимому, он довольно скоро пришел к выводу, что она не случайна, и «являясь продуктом определенных культурных и исторических сил, имеет глубокие корни в русской истории.»⁹ Об одном из своих учителей и коллег он писал: «А. С. Лаппо-Данилевский жил в атмосфере неисполнимых заданий. Эта наиболее характерная черта его духовного склада налагает особую печать на всю его работу, на всю его жизнь, на всю его личность.»¹⁰ Сам Пресняков, глубоко уважавший Лаппо-Данилевского, был, по-видимому, человеком другого склада: реалистом в науке и в жизни. Как бы то ни было, он попытался найти способ сосуществования с новым строем и возможность работать при нем, не отказываясь при этом от своих основных научных принципов и убеждений.

В статье «Реформа архивного дела» (1918) Пресняков, констатируя «крушение старого государственного строя», писал о гибели многих архивных материалов, «о чем будут глубоко сожалеть будущие исследователи великой русской революции»¹¹, и приветствовал деятельность Д. Б. Рязанова, организовавшего Главное архивное управление и возглавившего архивное дело в советской России. Сам Пресняков (как и С. Ф. Платонов и многие их коллеги и ученики) принял участие в создании Центрального Исторического Архива в Петрограде.

Но если это выступление можно было рассматривать как вызванное особыми обстоятельствами и преследующее конкретные практические цели, то гораздо более шокирующее впечатление должна была произвести на многих современников статья А. Е. Преснякова «Обзоры пережитого» (1920). В ней говорилось:

«Эпохи глубоких политических и социальных переворотов — опытные лаборатории исторического сознания. Едва ли человечество когда-либо [...] переживало столь глубокий и всесторонний кризис, как тот, что выпал на наше время. Бурно завершает он вековое перерождение общественных отношений и давно начавшийся распад основных форм старой культуры. [...] На развалинах изжитого вырастает новая жизнь.»¹²

9. A. J. Rieber, «Introduction» in A. E. Presniakov, *The formation of the Great Russian state*, Chicago, 1970, p. XXII.

10. А. Е. Пресняков, *А. С. Лаппо-Данилевский*, Петербург, 1922, с. 44.

11. А. Е. Пресняков, «Реформа архивного дела», *Русский исторический журнал*, 5, 1918, с. 206.

12. А. Е. Пресняков, «Обзоры пережитого», *Дела и дни*, 1, 1920, с. 346.

В статье содержится обзор книг о русской революции и ее предпосылках, в том числе работ Ленина, Мартова, Розы Люксембург, Троцкого, Милюкова, Суханова и других. Пресняков пишет о «гениальных анализах революционных опытов в трудах Карла Маркса», довольно критически отзываясь об *Истории второй русской революции* П. Н. Милюкова и полагает, что для понимания феномена революции важны «некоторые писания вожakov большевизма»¹³. И хотя Пресняков соблюдает известную дистанцию по отношению к рассматриваемым сочинениям, такого рода высказывания уважаемого профессора не могли не скандализовать значительную часть его коллег.

Но, конечно, гораздо больше, чем эти высказывания А. Е. Преснякова говорят его научные труды послереволюционного времени. В эти годы центр его интересов в значительной мере сдвинулся от истории допетровской Руси к «петербургскому периоду русской истории».

Присмотримся внимательнее к этим работам А. Е. Преснякова. Действительно, мы находим в них целый ряд марксистски звучащих формулировок. Так, в статье «Элементы реальной политики в движении декабристов»¹⁴ Пресняков писал:

«Россия с ее еще крепкой базой крепостнического строя переживала ранние стадии движения по существу буржуазного в особо своеобразных условиях. [...] Роль его авангарда, активного и идейно сознательного, играют группы среднего дворянства, офицерства и частью чиновничества из той же среды мелкого и среднего землевладельческого класса. [...] Среди декабристов была своя “гора” и своя “жиронда”, причем декабристская “жиронда” типичнее для их среды (с. 35). Либерально-буржуазная монархия удовлетворила бы вполне большинство декабристов и им сочувствовавших элементов русского общества (с. 47). Национальное движение оказывалось формой буржуазной революции. На русской почве отражением тех же общих условий было сплетение либерализма с национализмом в движении декабристов (с. 51).»

В одной из своих последних статей, опубликованной посмертно, «Международные отношения России в XVIII в.», А. Е. Пресняков писал:

«Порыв к построению новой имперской государственности в формах буржуазно-бюрократического строя подвергся в средних десятилетиях XVIII в. коренному пересмотру применительно к народнохозяйственному и классовому преобладанию землевладельческого дворянства. Наследие Петровской

13. Там же, с. 351.

14. А. Е. Пресняков, «Элементы реальной политики в движении декабристов», в кн.: *Бунт декабристов*, Ленинград, 1926. Далее ссылки по статье даются в тексте с указанием страниц в скобках.

эпохи слагалось в дворянскую монархию на основе крепостного хозяйства и помещичьего господства.»¹⁵

Здесь заметна некоторая переключка с концепциями М. Н. Покровского, хотя Пресняков, конечно, формулирует свою мысль гораздо более тонко и осторожно.

В другой статье Пресняков пишет:

«Время Николая I — эпоха, когда процесс разложения крепостного хозяйства и все нараставшее развитие торгово-промышленного капитализма настолько изменили самую базу народнохозяйственной жизни, что кризис всего ее строя казался неизбежным. Своим расцветом при Николае I самодержавие обязано состоянию страны, когда разлагалась старая основа государственного быта — крепостное право и крепостническое хозяйство, нарастало вырождение вскормленного ими общественного и политического строя и обострялось настроение крестьянской массы [...], а назревавшие потребности перестройки всех отношений, питаемые развитием торговли и ростом крупной промышленности не имели достаточной силы пробиться к господству.»¹⁶

Вероятно в наибольшей степени А. Е. Пресняков приблизился к советской концепции истории в статье «1905 год», написанной к 20-летию событий, современником и свидетелем которых он был. Многие ее положения не являются специфически большевистскими.

«Конечно, самодержавие как форма государственного устройства и управления не удовлетворяло никого, конечно, оно могло всецело опираться, кроме инерции военной и административной силы, еще находившейся в его распоряжении, только на самые темные элементы вырождавшегося дворянского землевладельческого класса и деклассированной городской черни (с. 11) [но] неустранимые противоречия классовых интересов приняли в России конца XIX в. форму слишком определенной и напряженной классовой борьбы для объединения всех революционных сил в общем политическом движении (с. 13). Переход рабочего движения в пролетарскую революцию — таков исторический смысл следующего десятилетия (с. 26). 1905 год дал проверку всех программных и тактических воззрений, о которых шли споры в революционной среде. 1905 год выковал жизненную логику большевизма и основы “ленинизма” (с. 35) [слово “ленинизм” взято автором в кавычки].»¹⁷

15. А. Е. Пресняков, «Международные отношения России в XVIII в.», в кн.: *Книга для чтения по истории народов СССР*, Харьков, 1930, Т. 1, сс. 262-263. В архиве Н. Л. Рубинштейна сохранилась статья А. Е. Преснякова «Международные отношения России в XIX в.», написанная для невышедшего в свет 2-го тома этого издания (Российская государственная библиотека, фонд 521, картон 29, д. 2).

16. А. Е. Пресняков, «Самодержавие Николая I», *Русское прошлое*, 2, 1923, с. 10.

17. А. Е. Пресняков, «1905 год», *Былое*, 4(32), 1925.

Порой складывается впечатление, что автор как бы условно становится на большевистскую точку зрения, еле заметно дистанцируясь от нее время от времени. Излагая предисторию и историю 9 января, Пресняков опирается на работы А. А. Шилова и С. Н. Валка, которые были приложением к новейшей истории строгих и точных методов исторического исследования, выработанных петербургской исторической школой на материале русского средневековья. Но в данном случае эти разыскания оказались вставленными в рамки ленинистской схемы.

Однако мысль А. Е. Преснякова никоим образом не сводилась к «ортодоксальным» формулам. Основное содержание его трудов по русской истории, его, так сказать, видение русского исторического процесса очень далеки от советского канона — как времен Покровского, так и позднейшего, установленного при Сталине. В своих книгах об Александре I и Николае I, вышедших в 1924-1925 годы, Пресняков дал не только блестящие характеристики политики этих императоров, но и глубокую и оригинальную трактовку истории России первой половины XIX в.

«Сознательная продолжательница Петра Великого Екатерина II капитулировала в своей политике перед дворянским засильем. Сын ее не хотел быть “дворянским царем”. Неумело и суетливо пытался он в порывах нервного личного деспотизма пробить брешь в крепости дворянских привилегий [...], пробовал властно вмешаться в отношения помещиков к крестьянам, всех сравнять в одинаковом бесправии перед самодержавной властью (с. 24). Милитаризируя придворный быт и все управление, Павел в новой форме воскрешал стародавнее средневековое вотчинное властвование (с. 25). Павел погиб 1 марта 1801 г. под ударами придворной и гвардейской среды, раздраженной не только его самодурством, но и порывистыми проявлениями его власти в делах внутренней и внешней политики, которые грозили серьезной опасностью существенным интересам господствующего класса (с. 27).»¹⁸

Александр I, полагает А. Е. Пресняков, искренне стремился к либеральным преобразованиям, но в ходе деятельности Сперанского «окончательно выяснилось, насколько Александру чужда и антипатична основная тенденция всей обсуждавшейся бюрократически-конституционной реформы: устранение из практики самодержавного государства приемов личного управления, обеспечивавших императору преобладающее влияние во всем верховном управлении.»¹⁹ «Понятно, что в таких условиях единственной реформой, получившей и осуществление и подлинное значение, оказалось преобразование центрального управления с целью усиления центральной

18. А. Е. Пресняков, *Александр I*, Петербург, 1924.

19. Там же, с. 70.

власти», — замечает историк²⁰. Образцом для Александра I, а потом и для Николая I являлась Пруссия «как по-своему законченный тип военно-бюрократического государства и патримониального монархизма.»²¹ «Александр ухватился за идею военных поселений как за попытку создать армию, независимую от дворянства и рекрутских наборов», — пишет Пресняков в другом месте, ссылаясь на статьи С. Н. Валка и А. Н. Шебунина²².

Проекты реформ не были оставлены Александром и после 1815 г.²³ Священный Союз, по замыслу императора, не являлся чисто реакционным учреждением и был вполне соединим с умеренным конституционализмом. Этому соответствовало его покровительство мистицизму и внеконфессиональной религиозности, которые в известном смысле составляли оппозицию официальной церкви. Александру, по словам Преснякова, был чужд «русский консерватизм, националистический, дворянский, православно-церковный, как и на Западе ему чужды реакционный аристократизм и католический клерикализм роялистских кругов Парижа и Вены.»²⁴ Лишь в последние два года жизни царь сдал реакции все свои позиции и умер в состоянии глубокого душевного кризиса.

Такой видится А. Е. Преснякову первая четверть XIX в. в России. По словам А. Н. Шебунина, книга Преснякова «положила начало подлинно историческому изучению Александра и явилась блестящим вкладом в разработку истории русского самодержавия; для дальнейшей работы над изучением природы последнего построения А. Е. Преснякова совершенно необходимы.»²⁵ Подобной же оценки заслуживают, по моему убеждению, и работы А. Е. Преснякова *Апогей самодержавия: Николай I*, «Самодержавие Николая I» и «Самодержавие Александра II»²⁶

О реформах 60-х гг. А. Е. Пресняков пишет:

«Самодержавная и крепостническая Россия, — казалась накануне превращения в буржуазное правовое государство с его формальным равноправием всех граждан, широким самоуправлением на местах и народным представительством в центре. [...] Вместо этого политическим результатом “освободи-

20. Там же, с. 48.

21. Там же, с. 98.

22. А. Е. Пресняков, *14 декабря 1825 г.*, Москва-Ленинград, 1926, с. 12.

23. Эта идея позднее была развита в ценной работе одного из учеников А. Е. Преснякова. См.: А. В. Предтеченский, *Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX в.*, Москва-Ленинград, 1957.

24. А. Е. Пресняков, *Александр I*, указ. соч., с. 158.

25. А. Н. Шебунин, «Рец. на кн.: А. Е. Пресняков Александр I», *Борьба классов*, 1-2, 1924, с. 329.

26. А. Е. Пресняков, *Апогей самодержавия: Николай I*, Ленинград, 1925; Он же, «Самодержавие Николая I», *Русское прошлое*, 2, 1923, сс. 3-21; Он же, «Самодержавие Александра II», *Там же*, 4, 1923, сс. 3-20.

тельных реформ” оказалось торжество бюрократически организованной монархии (с. 3). Не отрекаясь от своей сущности, самодержавие не могло быть введено не только в конституционные, но и в бюрократические рамки (с. 6). “Лучше вводить что-либо новое во всяком случае не законодательными, а административными мерами” [Пресняков цитирует одну из записок Валуева и комментирует]: Это стремление избегать в правительственных мероприятиях “законодательного пути” как слишком “правового”, т.е. слишком принципиального и слишком определяющего формы правительственной деятельности и придающего ей, хотя бы по внешности, характер деятельности подзаконной, показательно для всей политики самодержавия в критическую эпоху его существования, затянувшуюся на ряд десятилетий (с. 17-18). Так самодержавие пережило, сохранив основные свои свойства, “эпоху великих реформ” (с. 19).»²⁷

Значительную часть обзора «Из научной журналистики» (1923) А. Е. Пресняков посвятил, по его словам, «интереснейшей полемике между Л. Д. Троцким и М. Н. Покровским» о «своеобразии русского исторического процесса»²⁸. Покровский в статье «Откуда взялась внеклассовая теория русского самодержавия?» выступил против тезиса Троцкого о том, что самодержавие, подавляя все слои общества, превратилось в самостоятельную силу, и обвинил Троцкого в усвоении точки зрения Милюкова.

«В мысли Троцкого, что “царизм, придя в полное противоречие с потребностями общественного развития, продолжал существовать благодаря могуществу своей организации, политическому ничтожеству русской буржуазии и ее возрастающему страху перед пролетариатом”, М. Н. Покровский усмотрел “неисторическую точку зрения”, по которой самодержавие будто бы ставши “практически ненужным, бессмысленным остатком прошлого”, однако продолжало существовать, тогда как на самом деле оно “недурно приспособилось к потребностям капиталистического развития” и этому приспособлению обязано своей живучестью»²⁹,

так, цитируя Покровского, излагал Пресняков суть этой полемики. Далее он писал:

«По существу темы о “самодержавии” отмечу, что надлежало бы проводить различие между этой политической формой и бюрократической централизацией, возможной и в конституционной монархии и в республике французского типа. Не самодержавие “недурно приспособилось к потребностям капиталистического развития”, а русская бюрократия, которой самодержавие только мешало стать вполне аппаратом развивающегося капитализма”»³⁰

27. А. Е. Пресняков, «Самодержавие Александра II», *указ. соч.*

28. А. Е. Пресняков, «Из научной журналистики», *Анналы*, 3, 1923, с. 281.

29. *Там же*, с. 280.

30. *Там же*.

Конечно, такая характеристика российской бюрократии достаточно спорна, но важно отметить, что по существу в этой полемике Пресняков поддержал Троцкого против Покровского. Интересный комментарий к этой полемике через много лет дал П. Н. Милуков. В статье «Величие и падение М. Н. Покровского» он писал: «Дело в том, что главным противником Покровского в этом споре оказался не Троцкий, а вся историческая наука предшественников Покровского. [...] И спорить ему пришлось не столько с Троцким, сколько с Ключевским и Милуковым.»³¹ В этом контексте позицию Преснякова можно понимать как перевод ряда положений русской исторической науки на язык марксистского анализа.

Попробуем теперь более отчетливо определить, чем был марксизм для А. Е. Преснякова в завершающий период его научной деятельности.

«Марксизм и история» — одна из центральных проблем, встающих перед историком русской исторической науки XX в. Не задаваясь огромным вопросом об общей оценке марксизма, включающего в себя и экономическую теорию, и объяснение истории, и политическую программу, констатируем очевидное: как и все научные и философские теории, марксизм является детищем своего времени и можно сказать, что история его отчасти подтвердила, отчасти опровергла. Отделить в марксизме научную сторону от политической не очень просто, но все же возможно. При этом не подлежит сомнению, что некоторые идеи и концепции Маркса были усвоены в той или иной степени практически всей исторической и социологической мыслью XX в. и стали частью мировой науки³².

В области историографии марксизм стимулировал занятия социальной и экономической историей и способствовал преодолению исторического национализма, культа героев и слащавого морализаторства. В этом смысле приобщение к марксизму (хотя последний и таил в себе опасность чересчур легкого объяснения сложных проблем) было полезно и вся серьезная современная историография является постмарксистской, то есть построена с учетом марксизма. И в этом плане марксистская прививка была важна для таких крупных русских историков, как П. Н. Милуков, А. Е. Пресняков, Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин, Е. В. Тарле и многих других, хотя в политическом отношении они по большей части оставались «буржуазными либералами». Разумеется, говоря о положительной стороне рецепции марксизма в исторической науке, я не имею в виду принудительное насаждение

31. П. Н. Милуков, «Величие и падение М. Н. Покровского», *Современные записки*, Париж, 65, 1937, с. 375.

32. Сказанное выше можно было бы считать тривиальностью, но не в условиях современной России, где длительное навязывание казенной доктрины привело в сознании интеллигенции к дискредитации всего, связанного с марксизмом, а смена идеологических доминант в постсоветский период вызвала возрождение многих весьма архаичных представлений и мифов.

официального «марксизма-ленинизма» в советский период в качестве государственной религии.

Как нам представляется, для А. Е. Преснякова марксизм был прежде всего мышлением об истории в социологических и экономических категориях. Конечно, он признавал реальность социальных классов, классовых интересов и конфликтов как важный элемент исторического процесса, но он никогда не руководствовался в своей работе какими-либо предвзятыми доктринами. Мы не найдем у Преснякова рассуждений о «цели» истории, «законах» общественного развития, обязательной смене «формаций», соответствии «производительных сил и производственных отношений» и т.д. Можно сказать, что в марксистской теории Преснякова привлекали элементы исторического реализма, а не исторической метафизики. В конечном счете в научном мировоззрении А. Е. Преснякова марксизм занимал — с учетом всех пропорций — приблизительно такое же место, как в мировоззрении Макса Вебера, который, как известно, очень основательно изучил и продумал Маркса, но не примкнул ни к какой ортодоксии и пришел к совершенно самостоятельным выводам. «Наличие этих элементов у А. Е. Преснякова, так же, как у многих других историков близкого ему круга, причудливо сочетается с методами “индивидуализирующего” историко-психологического анализа исторических источников и событий», — удачно формулирует Т. Н. Жуковская³³ (я только вместо слова «причудливо» сказал бы «органично»).

Между прочим, «лукавство» М. Н. Покровского, одобрявшего Преснякова в упомянутом докладе 1928 г. за приближение к марксизму и одновременно обличавшего «псевдомарксизм» Тарле, заключалось в том, что Тарле в указанном смысле был не меньшим «марксистом», чем Пресняков: в его работах, как дореволюционных, так и послереволюционных, можно найти сколько угодно указаний на классовые интересы и «классовых» характеристик³⁴. Но, исходя из своих соображений, Покровский применял здесь «двойной стандарт». Следует также подчеркнуть, что несмотря на встречающиеся порой в работах Преснякова 20-х гг. ссылки на мнения Покровского, по существу он был очень далек от элементарно-примитивных схем последнего.

В 20-е годы А. Е. Пресняков был в числе немногих «буржуазных» историков, пользовавшихся относительным благоволением советской власти. Он рассматривался как «попутчик», склоняющийся к принятию марксизма, и не был уволен из университета ни в 1923 г., ни в 1925 г., когда проводилась чистка «буржуазной профессуры» (в первом случае открыто, во втором — под видом организационной перестройки). Пресняков являлся

33. Т. Н. Жуковская, *указ. соч.*, с. 33.

34. См.: Б. С. Каганович, *Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков*, Петербург, 1995.

директором Исторического института при Петроградском университете в 1921-1923 гг. и директором Ленинградского отделения Института истории РАНИОН³⁵, существовавшего в 1927-1929 гг. На знаменитых январских выборах 1929 г. в Академию Наук А. Е. Пресняков был одним из тех кандидатов в академики, которых ЦК ВКП (б) в секретных директивах предписывалось поддерживать партийным органам³⁶. Однако С. Ф. Платонов блокировал его избрание и провел в академики по русской истории М. К. Любавского. Впрочем, в это время А. Е. Пресняков был уже смертельно болен и его избрание могло иметь только символическое значение. Как мне кажется, оттенок осуждения можно прочесть в следующих словах написанного Платоновым некролога Преснякова: «Пытливо всматривался он в явления окружающей жизни, ловил всякое новое общественное образование *in statu nascendi* и благожелательно шел навстречу всему тому, в чем видел зерно грядущего развития и силы.»³⁷

О внутренне напряженных отношениях между Платоновым и Пресняковым и коллизиях в связи с этим среди ленинградских историков свидетельствует и такой в принципе крайне сомнительный источник, как показания ученых, проходивших по сфабрикованному «Академическому делу» 1929-1931 гг.³⁸. В данном случае однако я не вижу оснований сомневаться в достоверности показаний, так как с точки зрения следователей этот момент большого значения не имел и соответствующие материалы в обвинительном заключении не фигурировали.

В показаниях Е. В. Тарле от 17 февраля 1930 г. читаем:

«Вопрос о Преснякове, которого травил за то, что он пошел в Институт красной профессуры. Я остался по вопросу о нем вообще и его кандидатуре в академики, в частности, при особом мнении и в комиссии по выборам публично выступил против Платонова и Богословского и голосовал за Преснякова против Любавского при баллотировках.»³⁹

Несколько иначе освещал позицию Тарле Ю. Г. Оксман (арестованный по этому делу, но вскоре, как и ряд других лиц, освобожденный):

35. РАНИОН: Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

36. См.: «Партийное руководство Академией наук», *Вестник РАН*, 1, 1994, сс. 1034-1045; «Наше положение хуже каторжного...», *Источник*, 3, 1996, сс. 113, 115, 119.

37. С. Ф. Платонов, *указ. соч.*, с. 85.

38. Ср.: Б. В. Ананьич, В. М. Панях, «Принудительное “соавторство”», в кн.: *In memoriam. Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка*, Москва, 1995, сс. 87- 111.

39. *Академическое дело 1929-1931 гг.*, С.- Петербург, 1998, Вып. 2, с. 26.

«Тяжелое впечатление в самых широких кругах ленинградской научной общественности произвела позиция Тарле в вопросе об избрании в Академию А. Е. Преснякова. Признавая необходимость этого избрания, считая, что А. Е. Пресняков много может сделать как ученый и как организатор, Тарле в решительный момент не то “воздержался” от голосования, не то просто примкнул к комбинации, выдвинутой С. Ф. Платоновым (т.е. замене Преснякова Любавским).»⁴⁰

Наконец, один из ближайших учеников Преснякова Б. А. Романов на допросе 3 апреля 1930 г. показывал: «Мне известна история травли А. Е. Преснякова, которая, начавшись с его выступления против Ключевского⁴¹, продолжалась до последнего времени, достигнув пределов какой-то звериной ненависти, когда Пресняков стал выдвигаться советскими общественными организациями и коммунистической партией.» Отвечая на вопрос о своих отношениях с Платоновым, Романов говорил: «Логика отношений сложилась под влиянием провала С. Ф. Платоновым кандидатуры А. Е. Преснякова на выборах в Академию.»⁴² Таким образом, сам факт провала Платоновым кандидатуры Преснякова был в этой среде общеизвестен.

Очевидно, что в 20-е годы А. Е. Пресняков оказался «между двух огней»: консервативно настроенные ученые видели в нем оппортуниста, тогдашняя советская марксистская историография в лице М. Н. Покровского до определенного момента, казалось, готова было принимать его в качестве «попутчика». Но к 1930 г. Покровский перестал искать союзников среди «буржуазных историков» и начал устанавливать свою полную монополию на «историческом фронте», опираясь на своих учеников и развернув репрессии. Трудно сказать, как сложилась бы судьба А. Е. Преснякова, проживи он несколько дольше. Он умер 30 сентября 1929 г. накануне первых арестов по «Академическому делу». В числе жертв этого зловещего «дела» был ряд учеников Преснякова, в том числе Б. А. Романов и А. Н. Шебунин.

О том, сколь далек был А. Е. Пресняков от советской ортодоксии в области русской истории, свидетельствуют его интерпретации социально-экономического и политического строя Московской Руси и Российской империи. Он писал о Московском царстве XV-XVI вв:

«На развалинах традиционного строя отношений, освященного вековыми навыками моральных и правовых воззрений, выростала единая власть “государя князя великого” и перестраивала их заново. [...] Основой своих притязаний она выдвигала патриархально-вотчинное властвование над всей терри-

40. Там же, с. 594.

41. Вероятно имеется в виду статья: А. Е. Пресняков, «В. О. Ключевский (1911- 1921)», *Русский исторический журнал*, 8, 1922, сс. 203-224.

42. Цит. по копиям следственных дел, переданных Федеральной службой безопасности в архив Российской национальной библиотеки, ф. 16.

торией великого княжения (сс. 27-28). Вотчинное самодержавие выступило перед наблюдателем-иностранцем [речь идет о С. Герберштейне — Б. К.] в первой четверти XVI в. вполне сложившимся явлением (с. 44-45). В основе земских учреждений XVI в. лежал тот же принцип круговой поруки, принудительного “выбора за руками” для отбывания государственной повинности и даровой службы государеву делу, на котором была построена затем финансовая служба столичного купечества и провинциального торгового люда (с. 110). Общественный строй Московской Руси представлялся людям XVII в. в виде стройной системы “неподвижного вовеки крепостного устава”, которым все государевы люди распределены на четыре “великих чина”: духовный, служилый, торговый и земледельческий, строго разграниченные в государственных повинностях, с одной стороны, в социальных сословных правах и формах деятельности, — с другой [...] Московское государство принимало строй бюрократически организованной монархии (сс. 124-125, 126). В нелегких муках исторического делания рождает Московия новую Россию. Государство могло выдержать этот кризис и преодолеть его только ценой чрезвычайных организационных усилий. Напряженный и скованный всеобщим закрепощением социально-политический строй, усиление централизации управления, бюрократизация его органов вырастали с роковой неизбежностью на почве данных условий государственной жизни (с. 133).»⁴³

Важные уточнения и дополнения к этой концепции, изложенной в 1918 г., находим в статье А. Е. Преснякова «Вотчинный режим и крестьянская крепость», написанной в связи с выходом книги С. Б. Веселовского *К вопросу о происхождении вотчинного режима*. Здесь Пресняков говорит об «эволюционных моментах в экономике Московской Руси, которые привели к смене средневекового феодального хозяйства новой формой организации сельскохозяйственного труда — хозяйством крепостным» и о «смещении понятий феодального строя и крепостного режима, которое получило господство в нашей исторической литературе, вопреки их принципиальным различиям и по строю их хозяйственных отношений, и по классовой структуре, и по выраставшей из них государственности.»⁴⁴ А. Е. Пресняков, как видим, отнюдь не отождествлял крепостничества с феодализмом⁴⁵, и хотя он как будто бы принял после первоначальных колебаний теорию Н. П. Павлова-

43. А. Е. Пресняков, *Московское царство*, Петроград, 1918.

44. А. Е. Пресняков, «Вотчинный режим и крестьянская крепость (По поводу книги С. Б. Веселовского “К вопросу о происхождении вотчинного режима”», *Летопись занятий Археографической комиссии*, 34, 1927, сс. 174, 176.

45. Ср. у современного историка: «Крепостное право — это специфическая форма зависимости и эксплуатации крестьян, которая развилась в условиях растущей товарности сельскохозяйственного производства и укрепляющегося самодержавия. “Второе издание крепостного права” в Восточной Европе XV-XVIII вв., собственно, было первым и единственным в европейской истории» (А. Я. Гуревич, *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*, Москва, 1970, с. 52).

Сильванского о феодальных отношениях в удельной Руси (вопрос остается не до конца ясным)⁴⁶, социально-экономический и политический строй Московской Руси Пресняков не считал феодализмом. Этой точки зрения он придерживался до конца жизни, и в одной из его последних статей, опубликованной уже посмертно, читаем: «Союз государственной власти с дворянским классом определил организацию Московского государства как самодержавной монархии с приказно-бюрократическим строем.»⁴⁷

Чрезвычайно интересна в рассматриваемом нами плане статья А. Е. Преснякова 1923 г. «Закрепощение в императорской России». О знаменитой формуле «православие, самодержавие, народность» автор замечает:

«Уваров выражал в пышных словах свое понимание того, что можно бы назвать социологической связью между самодержавной государственностью и крепостническим строем народнохозяйственных и общественных отношений (с. 14). Крепостной устав унаследован как основной закон самодержавной монархии Российской империей от Московского царства в принципиально законченном виде (с. 15).»⁴⁸

Об этом свидетельствовало, в частности, «принудительное закрепощение вольных людей по соображениям “общей государственной пользы”»⁴⁹.

«Крепостное хозяйство было не только системой хозяйства помещичьего; по его типу складывались все отношения властвования и распоряжения силами и средствами страны в государстве, которое и в эпоху империи сохранило черты вотчинной монархии, выработанные в московский период (с. 18). Самодержавие представлялось немислимым без землевладельчески-крепостнической основы, а падение крепостного права, глубоко вросшего в строй самодержавной монархии, — неизбежной предпосылкой к замене его другим политическим строем — буржуазным правовым государством (с. 21).»

Это убеждение, по словам Преснякова, было весьма распространено в русской политической мысли XIX в.

А. Е. Пресняков писал в другой работе:

46. См.: «Переписка Н. П. Павлова-Сильванского и А. Е. Преснякова о проблемах феодализма в России», Публ. С. В. Чиркова, *Археографический ежегодник за 1972 г.*, Москва, 1974, сс. 319-339.

47. А. Е. Пресняков, «Московское государство XVI-XVII вв.», », в кн.: *Книга для чтения по истории народов СССР*, Харьков, 1930, Т. 1, с. 41.

48. А. Е. Пресняков, «Закрепощение в императорской России», *Архив истории труда в России*, 4, 1923.

49. Там же, с. 14.

«Общее “историческое начало” самодержавия и крепостного права заключалось в вотчинном властвовании над землей и людьми, над территорией и населением. Историки часто называют старую московскую монархию вотчинным или патримониальным государством. Носитель верховной власти стоит вне своего государства и над ним как его владелец, имеющий власть “от Бога” и “от своих прародителей” (с. 4). Никаких личных и имущественных прав, для власти неприкосновенных, за населением не признается [...] “Всех одинаково гнетет он своим жестоким рабством”, — так изображает эту власть Герберштейн (с. 5).»⁵⁰

И этот свой характер русское самодержавие, по мнению Преснякова, сохраняло до самого конца. Рецензируя переписку Николая II и Александры Федоровны, он отмечал: «Для историка все это не бытовые только черты и не личная только психология, а подлинные судороги вотчинного самодержавия и самовластия, из-под которого уходила наконец почва.»⁵¹

В статье по поводу книги Р. Ю. Виппера об Иване Грозном, вышедшей в 1922 г., А. Е. Пресняков замечал, что, по мнению автора этой книги, «московское самодержавие походило не на западные монархии, а гораздо более на восточный халифат, на тогдашнюю Турцию», и сравнение с мусульманским Востоком «постоянно напрашивалось и русским и западным наблюдателям»⁵². Не разделяя апологии у Виппера тогдашних московских и турецких порядков, Пресняков с интересом отмечал его мысль, что проводниками восточных влияний на Руси являлись кочевые и «разбойничьи» народы, прежде всего монголы.

Резюмируя все вышеизложенное, мы, как мне кажется, вправе сказать, что А. Е. Пресняков, сочетая марксистские подходы с некоторыми критически пересмотренными выводами русской науки XIX в. (историографы обычно говорили о влиянии на него так называемой «государственной школы»)⁵³, трактовал русское самодержавие не как западноевропейский абсолютизм, а скорее как разновидность восточного деспотизма. Как известно, аналогичной точки зрения придерживались П. Н. Милюков и Г. В. Плеханов, причем каждый из них исходил из собственных и не всегда одних и тех же предпосылок.

Очевидно также, что А. Е. Пресняков в своей трактовке русского самодержавия близко подошел к концепции восточного деспотизма, развитой впоследствии К. А. Виттфогелем на основании идей Маркса об «азиатском

50. А. Е. Пресняков, «Самодержавие Николая I», *указ. соч.*

51. *Каторга и ссылка*, 4, 1927, с. 216.

52. А. Е. Пресняков, «Эпоха Грозного в общем историческом освещении», *Анналы*, 2, 1922, с. 193.

53. См.: А. Л. Шапиро, *Русская историография в период империализма*, Ленинград, 1962, с. 94.

способе производства» и трудов Макса Вебера о бюрократии⁵⁴. Книга Виттфогеля, одной из центральных тем которой является Россия и СССР⁵⁵, хорошо известна западным историкам и нет необходимости излагать ее здесь. Отметим только, что Виттфогель, по-видимому не владевший или слабо владевший русским языком, не знал работ А. Е. Преснякова, которые могли быть очень полезны ему во многих отношениях. Как известно, книга Виттфогеля была довольно критически встречена профессионалами-русистами ввиду содержащихся в ней многочисленных неточностей и натяжек⁵⁶. Тем более интересно, что один из корифеев русской исторической науки А. Е. Пресняков, исходивший из совершенно иных предпосылок и работавший совершенно иными методами, в ряде вопросов пришел к сходным выводам несколькими десятилетиями раньше.

*

Думается, что роль и значение А. Е. Преснякова в русской исторической науке до сих пор остаются недостаточно оцененными и изученными. Отчасти объяснение этому дал А. Рибер, который писал в своем очень вдумчивом и во многих отношениях глубоком введении к американскому переводу «Образования Великорусского государства»:

«Пресняков, конечно, не утверждал, что изучение истории возможно без каких-либо социологических и исторических предпосылок. [...] Но поскольку он избегал формулировать эти предпосылки, масштаб и сила его схемы остались в большой мере недооцененными.»⁵⁷

Интерес к научному творчеству А. Е. Преснякова, которое после второй мировой войны принято было рассматривать в СССР как продукт «кризиса буржуазной историографии в эпоху империализма»⁵⁸, оживился в России в последнее десятилетие⁵⁹. Уже переизданы некоторые его работы⁶⁰. Но

54. Подробнее см.: Б. С. Каганович, «А. Е. Пресняков и К. А. Виттфогель (Вокруг одной из концепций русского исторического процесса)», *Третьи мартовские чтения памяти С. Б. Окуня*, СПб., 1997, сс. 28-40.

55. К. А. Wittfogel, *Oriental despotism. A comparative study of total power*, New Haven, Yale University Press, 1957.

56. См., в частности: N. Riasanovsky, «Oriental despotism and Russia», *Slavic Review*, 22, 4, 1963, pp. 644-649.

57. А. Rieber, *op. cit.*, pp. XXXIII-XXXIV.

58. См., в частности: Л. В. Черепнин, «Об исторических взглядах А. Е. Преснякова», *Исторические записки*, 33, 1950, сс. 203-231.

59. Еще в 70-е гг. С. В. Чирков приступил к серьезному изучению наследия Преснякова в области источниковедения и археографии. См.: С. В. Чирков,

главное здесь еще предстоит сделать. Необходимы как тщательное изучение и публикация материалов архива А. Е. Преснякова, так и осмысление его научного метода и концепций. Заново прочитать и продумать Преснякова “в свете нашего опыта” — важная задача, стоящая перед современными историками России.

*Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории РАН
Ул. Петрозаводская, 7
197110 Санкт-Петербург*

e-mail: nlkors@rambler.ru

«Обзор архивного фонда А. Е. Преснякова», *Археографический ежегодник за 1970 г.*, Москва, 1971, сс. 307-314; Он же, «Список трудов А. Е. Преснякова», *там же*, сс. 329-340; Он же, *А. Е. Пресняков как источниковед и археограф*. Автореферат кандидатской диссертации, Москва, 1975. Ср.: С. В. Чирков, «Проникновенный источниковед: А. Е. Пресняков», », в кн.: *Российские историки XVIII – начала XX вв.*, Москва, 1996, сс. 553-576.

60. По иронии судьбы первой за полвека книгой А. Е. Преснякова, изданной в России, был сборник: А. Е. Пресняков, *Российские самодержцы*. Сост. и предисл. А. Ф. Смирнова, Москва, 1990 (заглавие принадлежит составителю). Предисловие А. Ф. Смирнова «Слово о державе и самодержцах российских» выдержано в духе очень примитивного «патриотизма» и не имеет никакого отношения к научному творчеству Преснякова. Более серьезный характер носит издание: А. Е. Пресняков, *Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории: Киевская Русь*. Подгот. текста, статьи и примеч. М. Б. Свердлова, Москва, 1993. В своих сопроводительных статьях М. Б. Свердлов отстаивает, однако, сомнительный тезис о том, что Пресняков в итоге своей творческой эволюции пришел к «феодальной» интерпретации истории России, как ее понимали Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков и другие строители советской «ортодоксии» в этой области.